

Путь художника

*Вспоминая
Павла Рыженко*

«Приблизившись к рубежу своей жизни, рубежу, который не смог переступить великий Пушкин, у которого остановились многие, я задаю себе вопрос вопросов: кому я служил? Именно кому, а не чему, и вообще, что есть искусство? Надеюсь, что мои картины разбудят генетическую память моих современников, гордость за свое Отечество, а быть может, помогут зрителю найти для себя единственно правильный путь. И тогда — я буду счастлив выполненным долгом», — так однажды пусть немного пафосно, но очень искренне написал на своем сайте Павел Рыженко.

Заслуженный художник России, выпускник Российской академии живописи, ваяния и зодчества, мастер Студии военных художников им. Грекова, посвятивший свое творчество историческому жанру, он скоропостижно скончался этим летом, 16 июля. Два месяца спустя, в начале сентября, в Калужской Свято-Тихоновой пустыни открылась выставка, на которой была представлена самая масштабная и последняя из работ Рыженко — двадцатисестиметровая диорама «Стояние на Угре». Увы, уже без художника.

Кому же служил Павел своим творчеством? Что для него было искусство? Каким он был художником и человеком? Эти вопросы мы решили задать его другу и коллеге, художнику Ивану Глазунову. ▶

◀ *Ослябя*

Павел Рыженко

— В детстве вообще ничего не понятно. Тем более в подростковом возрасте, когда человек на все остро реагирует. Да и сами мальчишки оценивают друг друга иначе. Я помню, что Паша был совершенно безудержным. Если смеялся, то громко, если кричал, еще громче. Не стану говорить, что он был душой компании. Он был в хорошем смысле широким и открытым. Мог вмазать как следует. Он плохо учился и несколько раз за острые шутки на уроках и неуспеваемость был на волосок от исключения. Иногда он был смешной. Не то чтобы в разных ботинках приходил, но мог полезть за какой-нибудь книжкой и тут же свалить книжный шкаф, а вслед за ним из комнаты вываливалась и дверь. В нем был какого-то особого рода мотор не просто мальчика-художника, подростка, а человека, который если что-то хочет, то он это делает. Я вспоминаю «Соборян» Лескова, вот он такой типичный Ахилла Десницын.

Победа Пересвета

— Иван, вы учились вместе с Павлом в Московской средней художественной школе (МСХШ)...

— Да, в параллельных классах, с шестого по одиннадцатый. Может быть, не так близко дружили, но вместе проводили много времени.

— В те годы можно было уже понять, что из него вырастет художник большого масштаба?

В МСХШ не было таких заданий, по которым можно было определить сильного в будущем художника. Но для того, детского, уровня Паша писал очень хорошо. Когда мы смотрели работы из фонда школы двадцатилетней давности, то работы послевоенного времени всем нам казались недостижимо хорошими. Ученические работы Паши уже тогда были такими, словно он жил и учился немножко раньше. Еще

в школе у него появилась черта, сохранившаяся на всю жизнь. Его мысль опережала ремесленную составляющую. Если он вдруг задумал что-то сделать, то мог оконную раму найти, холст натянуть, причем плохо, со складками на углах, торопливо, но за два часа замысел воплотить. Другие на его месте несколько дней только собирались бы. Он как будто спешил все время. Но не в плане «побыстрее сделать», а именно «выплеснуться». Эта черта осталась у него и в Академии. Действительно все шло в ход. Мысли бурлили. Он мог за десять минут, если ему что-то пришло в голову, взяться за огромный холст и закончить его за ночь. Это удивительное качество, которое мало кому дано, и выделяло его среди художников.

Сам он родом из Калуги. Из семьи военных офицеров. И хотя Калугу всегда называл малой родиной, но в силу обстоятельств, условий работы офицеров в СССР, особенной привязки именно к Калуге у него не было. Важнее другое: он считал себя русским человеком.

Он отслужил в армии. Вероятно, это был вынужденный шаг, но для него служба совсем не стала трагедией. Павла всегда отличала такая лихость во всем и легкое отношение к житейским обстоятельствам.

— Историческая живопись, тем более классический реализм, кажутся сегодня не вполне современными и даже невостребованными. То, что Рыженко занимался именно исторической картиной, — учился этому в Академии живописи, ваяния и зодчества, посвятил всю свою жизнь, — значит ли, что он шел против течения?

— Действительно, он целенаправленно шел учиться к моему отцу, Илье Сергеевичу Глазунову. Он уважал его еще в бытность в МСХШ и явно нацелился на Академию. Хотя позже в интервью он по-разному высказывался, но как учителя отца уважал. С благоговением относился к годам, проведенным в Академии, с благодарностью вспоминал то, что в профессиональном отношении здесь получил.

Не скажу, что Павел так уж сильно двигался против течения. Вот, например, прилетел я как-то в Краснодар, где меня принимал настоятель собора казачьих войск. Поднимаемся в трапезную, а там вся лестница в репродукциях картин Паши. Или прилетел в Екатеринбург, зашел в церковную лавку — и там репродукции его работ. Да в любом храме Москвы, в лавке Сретенского монастыря — везде вы найдете его работы. Такая востребованность о многом говорит.

Вот есть кино, Интернет, разные медиапроекты, но на этом фоне живопись по-прежнему сохраняет свою актуаль-

Апокалипсис

ность, потому что «картина в раме» — это эстетическая категория. И человек, пусть даже искусственный кинематографом и разными современными «измами», «картину в раме» довольно высоко ценит. В картине нет смены декораций, движущихся фигур, ее можно рассматривать. Наконец, в ней художник выделил квинтэссенцию события. А это то, что заставляет человека рассматривать картины и сопереживать.

Кто-то дотошный и придирчивый найдет в работах Рыженко какие-то несоответствия и скажет: «Ну ты, Паша, написал!» А человек простой подумает: «Я тоже так вижу, но только красками писать не умею. А Рыженко показал, как я понимаю, как хочу». Все. Точка. Катарсис. В этом смысле актуальность живописи сейчас, по-моему, огромная. Я не видел даже такого числа репродукций «Квадрата» Малевича, как репродукций Рыженко. Есть каста, которая любит или пиарит то, что называется современным искусством. Но Рыженко, по-моему, современнее, потому что его творчество востребовано современниками. Множеством людей, а не узким кругом снобов.

Мы с ним много спорили и о взгляде на историю, и о том, как и что нужно нести зрителю. Он искренне переживал за то, что происходит в стране, очень любил Россию, любил то, что изображал: и царскую семью, и святых. Из русской истории и для русского человека он выбирал события и эпизоды, которые решали и судьбу страны, и судьбу духа. Темы эти его очень мучили. Ему было важно быстро разродиться ими. Все это было выношено в ускоренном темпе, поэтому он не задумывался, кто как посмотрит, движется он по течению или

Веночек

против. Он знал, что есть люди, которые откликнутся на то, что он создает. В этом отношении он жил по принципу «я не червонец, чтобы всем нравиться».

Безусловно, иногда он любил в позу встать, мол, меня ничего не волнует, я отшельник, я поймал свою волну. Порой говорил о себе уничижительно, порой пафосно. На самом же деле это было сродни игре. Ведь как художник, он переживал и думал, а что скажут? как найдут? что увидят? Чужая душа — бездна. Никогда не знаешь, что там. Но мне кажется, Рыженко искренне верил в то, что делал. Главное, от него никогда не веяло равнодушием.

— Я ошибаюсь, или он действительно изобразил себя в образе Пересвета? Случайно ли физиономическое сходство в картине?

— Я думаю, что это происходит, когда человек пишет от себя, по воображе-

нию. Когда мало работает с натурой, невольно собственные черты преувеличивают. Художник сочиняет лицо, но нечаянно получается свое собственное. Умышленно Павел написал автопортрет только в одном произведении — «Страшный суд». То есть он себя не превозносил.

Вообще, ему всегда важнее было создать художественный образ, а не написать портрет. Я ему иногда вставлял такие спицы, в шутку, конечно: мол, нужно писать реальных людей, тогда будет большее разнообразие. Но он был человек импульса. Ему нужно было сделать прямо сейчас и сразу. Чисто физически не было возможности кого-то искать, писать по двадцать пять лет картину.

— При этом у Рыженко что ни тема, то масштабная. И масштабное ➔

же исполнение. 3, 12, 26 метров. Это огромные полотна, которые не предназначены для камерного просмотра. Такие картины требуют много даже физических сил. Как вам кажется, почему ему был интересен такой формат?

— Еще в бытность студентом у Рыженко обнаружилась важная для художника черта — цепкая наблюдательность. Паша фиксировал, как человек сидит, в каком состоянии, куда и как повернет голову, куда направит взгляд. Благодаря такого рода наблюдательности в картине появляется жизненная точность, правда жизни, а не условные лица-маски и выдуманные позы. На последних курсах Академии стало ясно, в каком направлении Паша движется. Его дипломная работа «Битва на Калке» отражала его взгляд и на современную жизнь тоже. В этой картине есть посыл и исторический, и эстетический. Сначала Рыженко увлекался историческими портретами. А потом появилась поддержка, появились зрители, на выставки приходили зрители. Когда художник начинает чувствовать, что поймал струю, попал своим творчеством в какие-то человеческие переживания, то масштабы и усилия его тут же удваиваются и утраиваются. И хочется, взяв высоту, подниматься выше, еще масштабнее работать. Хочется больших тем, обобщений, своей философии. Рождение масштабных полотен связано с тем, что к нему пришел успех, он стал востребован. Многие именно по работам Рыженко уже помнят и царскую семью, и Дмитрия Донского.

Великое стояние на реке Угре в 1480 году. Фрагмент диорамы

— В одном из интервью он сказал, что избегает общения с художниками, что жизнь художника сродни жизни монаха. Это действительно так? И правда избегал?

— Да нет. Как нет ничего общего между жизнью монаха и творчеством художника. Я вообще не люблю подобных сравнений. Другое дело, что

в этих словах он пытался выразить не до конца сформулированную мысль о пути художника. Избегал? Да, когда у человека есть семья, дети и большие замыслы, то будешь поневоле избегать общения. Иначе ничего не успеть. Друзья — это не те, кто отнимает время, но те, кто дарит его. Но когда погружен в работу и варишься в замыслах, окружающие действительно могут выпадать из поля твоего зрения.

Фото предоставлено пресс-службой Патриарха Московского и всея Руси

Патриарх Кирилл

Преображение наших душ

9 сентября 2014 года в ходе визита в Калужскую митрополию Святейший Патриарх Кирилл посетил скит Свято-Тихоновой пустыни в честь Владимирской иконы Божией Матери, расположенный в селе Дворцы на реке Угре. Скит был построен на месте стояния на реке Угре в 1480 году войск князя Ивана III и хана Ахмата, события, ознаменовавшего окончательное падение татаро-монгольского ига.

Святейший Патриарх осмотрел картины заслуженного художника Российской Федерации, уроженца Калуги Павла Рыженко (1970–2014), посвященные преподобному Сергию Радонежскому, и диораму «Великое стояние на реке Угре в 1480 году», размещенные в монастырском музее. Двадцатидвухметровая диорама была создана незадолго до кончины художника в июле 2014 года и стала последним

его произведением. Над созданием ее трудилась группа мастеров студии им. М. Б. Грекова под руководством Павла Рыженко и народного художника Российской Федерации Александра Сытова.

После освящения здания музея Предстоятель обратился с кратким словом к участникам церемонии открытия:

«Мы с вами находимся в замечательном месте. От того, что произошло здесь, во многом зависело будущее нашей страны, нашего народа и нашей Церкви. Посещая это место, все, кто будут сюда приезжать, будут вспоминать и героический подвиг нашего народа, защитившего Отечество, и замечательного русского художника Павла Рыженко. Дай Бог, чтобы все это работало на исцеление и преобразование наших душ». ✠.

— «Страстный в работе талантливый художник», — сказал о нем Илья Сергеевич Глазунов. Можно ли сказать, что он сгорел на работе?

— Нет, я бы так не сказал. Он сгорел скорее от нервного восприятия действительности. Последние события, происходящие в России, вокруг России, он принимал близко к сердцу. Любой провал на политической арене был его личной болью. Пусть это звучит и пафосно, и громко, но его исторические образы, трагедия царской семьи, «кокаянных дней» и «темных дней» — это тоже было личным переживанием. Последний год своей жизни он вообще был очень взвинчен. Об этом говорила и его жена Анастасия Рыженко, удивительная и настоящая жена художника, отдающая себя творчеству мужа. Я, конечно, не могу утверждать, но мне кажется, что он сгорел именно от внутренних переживаний человека, который видит и понимает, что происходит. Это пошатнуло его здоровье больше, чем силы, отданные работе над картинами.

Вообще, Павел Рыженко был человеком невероятной бодрости душевной и телесной. Мне кажется, что он работал бы и работал. Художник черпает силы именно в творчестве и потому не может перетрудиться и сгореть от тягостей художественной жизни. Творчество — это радость, то, что дает силы. Если у тебя есть возможность самовыражаться, есть востребованность, ты на этом сгореть не можешь.

Однажды Паша возвращался домой, шел по парку в спальном районе. Решил поймать такси. Остановился джип, в котором сидят типичные для джипа с черными стеклами мордовороты. Узнали, куда ему ехать, предложили подвезти. Он в недоумении: почему его такие люди взяли в такую машину. Доехали. Выходят — и тут ребята его просят: «Отец, благослови». Оказалось, что они приняли его за священника, который в парке заблудился. Пришлось благословить, а что делать?

Действительно, у него и во внешности было что-то такое... Не исключаю, что он мог подумывать о том, чтобы принять сан. Он был воцерковленным человеком, к вере пришел еще в школе. Таких в МСХШ мало было. Он часто причащался. Вера была важнейшей стороной его жизни. Все его святые на картинах, в том числе на полотне «Страшный суд», — это еще и плод такого неопитского прихода к вере, когда она обрушивается на тебя, как плита тяжелая, как ведро воды, и надо быстрее и больше от этого радостного чувства получить. Я бы так оценил изобилие святых на его картинах, все эти темы. Он просто купался в этом.

— Его будут помнить потомки?

— Когда Джотто расписывал храм в Падуе, люди ходили толпами смотреть, сначала — как он работает, потом — на то, что получилось. И еще десятилетиями его росписи были темой для обсуждения. Наш мир другой. Мы перенасыщены информацией. И теперь редко

кто может хорошую живопись отличить от плохой. Хуже того, сегодня принижается роль художника, писателя, композитора. Но я уверен, что если работы Павла начнут печатать как иллюстрации к учебникам, то даже те, кому совершенно наплевать на искусство, будут знать этого художника. Хочется, чтобы память о Павле осталась. Чтобы в Калуге, как он планировал, открылась галерея его картин. Чтобы круг его поклонников пополнялся теми, кто, увидев талантливого сочиненную картину, прочтя в ней авторский замысел, захотел бы сохранить созданные им образы.

Думаю, что время Павла Рыженко еще придет. Шелуха отсеется, а вещи знаковые, яркие, сделанные на самом высоком профессиональном уровне, останутся. Их будут помнить. Будут печатать в книгах.

Современному человеку очень нужно смотреть картины. И не только в Третьяковской галерее и художников прошлого, а именно современных и именно таких, которые отвечают на какие-то важные исторические и философские вопросы: «Кто я? Откуда? Куда я иду?» Паша пытался сформулировать для зрителей, как он понимал, в чем видел ответы. Он сам их искал, болел ими. Я уверен, что такое не забудется и останется. Это будет вспоминать, смотреть. Уверен, что Калуга будет им гордиться как малая родина Павла Рыженко. ♣

Беседовала Дарья Рощеня